

Библиография

Вера Котелевская

Монополия на истину

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ НАЦИСТСКОЙ
«ПИСЬМЕННОСТИ»

DOI: 10.53953/08696365_2026_199_3_306

**Барбиан Я.-П. Литературная политика Третьего рейха:
книги и люди при диктатуре / Пер. с нем. С. Ташкенова.**

М.: Individuum; Эксмо, 2026. — 536 с. — 4000 экз.

Если задаться вопросом, что сегодня почитать в России о книгоиздательской политике (или медиаэкономике) Германии 1933–1945 гг., обернувшейся *политикой другими средствами*, можно только развести руками. Сославшись на несколько статей и диссертаций¹, придется констатировать, что работа с этой темой не выходит за рамки академических аудиторий и институций или же, напротив, служит полем для весьма вольных и выборочных интерпретаций англоязычных источников в соцсетях. Интересующимся тем, что случилось после 1933 г. с впечатляющим стилевым и идеологическим многоголосием литературы и прессы эпохи Веймарской республики, можно посоветовать разве что основательное исследование Евгения Зачевского, однако издано оно тиражом 500 экземпляров и, кажется, имеет обращение все в том же узком академическом кругу². В СССР интерес к тому периоду, подпитывавшийся послевоенной антифашистской риторикой, появлялся в обзорных трудах, например в многотомной «Истории немецкой литературы», издававшейся «Наукой» в 1960–1980-е гг., или в исследованиях о фигурах, представивших с 1949 г. литературу ГДР (Бертольте Брехте, Иоганнесе Роберте Бехере, Анне Зегерс и др.), но после распада СССР этот интерес пошел на спад, сместившись к литературе и СМИ воссоединившейся Германии.

-
- 1 См., например: *Штыркина О.В.* Информационно-пропагандистские технологии в прессе Третьего рейха: дис. ... канд. филол. н. М., 2011; *Бороздинова З.* Репертуарная политика берлинских драматических театров (1933–1944): дис. ... канд. искусствовед. М., 2022.
 - 2 *Зачевский Е.* История немецкой литературы времен Третьего рейха (1933–1945). СПб.: Круга, 2014.

Перевод труда Яна-Питера Барбиана заполняет указанную лакуну. При этом следует особо оговорить предметную область и жанр этой книги, которую к легкому чтению не отнесешь: перед нами основательное историографическое исследование. С точки зрения предмета монографию можно охарактеризовать как источниковедческое исследование издательской, литературной и массмедийной политики 1933–1945-х гг.: оно зиждется на кропотливой работе с архивами и отличается внушительным объемом документальной фактуры, официальных сводок и личных свидетельств, статистических выкладок и отчетов. Библиография и перечень архивов — от авторитетного литературного архива в Марбахе до всевозможных государственных, земельных и городских архивов Германии — состав-

ляют внушительную базу источников. Язык цифр и документов в этой книге громче авторской риторики. Протоколирование книжных продаж внутри страны и за рубежом, членских взносов во всевозможных читательских и писательских организациях, изменений в кадровом составе министерств, архивов, библиотек и издательств, внимание к распределению государственных дотаций между типографиями и освещение института премирования литераторов — все это и многое другое позволяет поэтапно проследить, как реализовывалась политика «гляйхшальтунга»³ и ариизации всех сфер жизни — от государственных учреждений и общественных организаций до частного бизнеса и домашних библиотек.

И все-таки перед нами нечто большее, чем реферирование и систематизация архивных фондов эпохи Третьего рейха. Барбиан не только скрупулезно реконструирует историю институций и агентов, участвовавших в формировании литературного, книгоиздательского и книготоргового, журналистского и образовательного полей этого периода, но и намечает типологию тех инструментов, с помощью которых государство может в кратчайшие сроки монополизировать все сферы интеллектуального производства. Интенция Барбиана, безусловно, медиакритическая.

Модель «гляйхшальтунга», внедрявшаяся в Германии с весны 1933 г., позволила унифицировать публичное поле, парализовав всякую возможность дискуссии, и, если говорить о поколении родившихся в середине 1920-х — начале 1930-х гг. (поколении Гюнтера Грасса), сформировать с нуля — с помощью полувоенизированных детских и юношеских организаций, идеологически перелицованных школьных программ, подвергнутых «чистке» библиотечных фондов, искусства плаката и журнальной продукции — пронацистское коллективное сознание⁴. Цензура, спускавшая сверху списки «запрещенной и нежелательной» литературы, довольно быстро обрела форму самоцензуры, в рамках которой привыкли мыслить не только писатели, журналисты, библиотекари, ученые и учителя, но и обыватель. «Изменение читательского поведения» было стратегической целью национал-социалистических образовательных и издательских реформ (с. 278).

Впрочем, одно из обнадеживающих наблюдений Барбиана, подкрепленное многочисленными фактами, заключается в том, что пропагандистская машина то

3 *Gleichschaltung* (нем.) — унификация; в контексте Третьего рейха — насильственное приобщение всех государственных и частных институций, а также граждан к идеологии НСДАП.

4 См. об этом: Манн Э. Школа варваров: воспитание при нацистах / Пер. с англ. В. Лазариса. СПб.: Jaromír Hladík Press, 2023.

и дело давала сбои, а читатели не особенно желали «воспитываться и учиться» (там же), предпочитая пропагандистским трудам и брошюрам книги о путешествиях, природе и профессиях, а из-под прилавка по-прежнему можно было добыть легкое эротическое и развлекательное чтиво. Варваризация культуры обернулась ощутимой «тривиализацией вкуса» (с. 380).

Причины сбоев пропагандистской машины выявляются Барбианом по ходу всего исследования, и среди них отчетливо выделяются следующие. К концу 1930-х гг. стала ощутима депрофессионализация институций, формирующих книжную культуру. Место профессионалов занимали ловкие функционеры, кадровый голод нарастал: было уволено или репрессировано множество специалистов-евреев, полуевреев и т.д. или несогласных с режимом, а также недостаточно рьяно выказывавших режиму лояльность; с началом войны кадровый голод усилился из-за мобилизации, а с момента бомбардировок немецких городов — из-за гибели мирного населения. Кроме того, никакие поощрения в виде литературных премий, высоких тиражей и поездок писателей с лекциями по стране не могли скрыть того факта, что талантливые и оригинальные авторы были вытеснены из официального мейнстрима — получили запрет на профессию во всех сферах литературного поля, были экспатрированы, репрессированы, ушли во внутреннюю эмиграцию или покончили с собой. Немаловажным фактором, подрывавшим диктатуру изнутри, оказалась ожесточенная конкуренция за контроль над печатной продукцией между государственными организациями, министерствами и типографиями, нередко мешавшими работе друг друга; конкурентная борьба шла и внутри партийной элиты. Что касается экономики, то все чаще случались факты коррупции или протектирования при распределении госзаказов на закупку бумаги, печать, налоговые льготы и т.п. Не могло не сказаться на эффективности идеологической машины также противоречие между экономическими и политическими интересами рейха. Низкий и стремительно близившийся к нулю внешнеполитический имидж нацистского государства осложнял экспортную книготорговлю, политический изоляционизм затруднял внешнеэкономические контакты. В свою очередь, нараставшее к началу 1940-х гг. равнодушие как мирного обывателя, так и бойца рейхсвера к пропагандистской литературе и прессе и рост интереса к популярной продукции (взлет приключенческих жанров, биографий и травелогов, познавательного нон-фикшена), с одной стороны, и бюрократизация, невозможность качественно контролировать на местах выполнение огромного числа официальных директив — с другой — мешали бесперебойной работе пропагандистской машины.

Книга Барбиана создает устойчивое впечатление, что внутри бюрократической системы рейха нарастал, так сказать, кафкианский эффект деформации: система оказалась настолько разветвленной и обремененной тотальным самоотчетом, что постепенно стала разрушаться изнутри.

Монография разделена на четыре части: логика композиции демонстрирует движение от взлета к падению системы, выстроенной гитлеровской диктатурой. Образ руины, разваленного целого культуры как итога национал-социалистического проекта содержится в оригинальном названии книги, ее подзаголовке («Von der Gleichschaltung bis zur Ruin»). В этой нисходящей линии угадывается аллюзия на знаменитое эссе-манифест Генриха Бёлля «В защиту литературы развалин» (1952), которое выразило мнение о *поэзии после Аушвица* изнутри той среды, которая была причастна этой руинизации⁵. Барбиан хронологически запечатлевает движение от

5 «Литература вернувшихся», объединившихся в ФРГ вокруг «Группы 47», своей главной задачей будет считать сопротивление любым формам иллюзии, любым попыткам мифологизации современности, стремясь в заново обретенном языке простых вещей прорваться к самой реальности.

упадка демократических институтов к повороту на централизацию (глава «Смена кадров — смена медиа. От Веймарской республики к Третьему рейху»), затем переходит к обстоятельному освещению разработки, взлета и нарастающего кризиса пропагандистской машины и государственно-капиталистической экономики Третьего рейха (глава «Институционализация медиа-диктатуры и ее власть над книгой») и, наконец, обращается к персоналиям, рассматривая деятельность конкретных институций, связанных с литературным творчеством, премиальным поощрением, библиотеками, читательскими клубами и т.д. (главы «Книга в медиа-диктатуре: перспектива властей» и «Книга в медиа-диктатуре: перспектива подвластных»). В заключительной главе особую ценность представляют личные судьбы и досье, документальные портреты как пособников режима, так и тех, кто саботировал его и вел пристальное наблюдение, создавая свою трагическую хронику.

Остановимся на ряде фактов и выводов, содержащихся в каждой главе и представляющих особую ценность для реконструкции картины «медиа-диктатуры».

Как становится ясно из первой главы, одним из первых последствий вмешательства НСДАП в культуру стало закрытие германского отделения ПЕН-клуба, недвусмысленно отразившее курс на изоляционизм и оправдание наращивания военной мощи при новом составе рейхстага. Этот курс был взят еще в октябре 1933 г. с выходом из Лиги Наций. «Интернациональное» стало синонимом враждебного; попыток оправдаться за отстранение писателей и филологов по национальному и политическому признаку от работы в Прусской академии искусств, ПЕН-клубе и в ряде писательских организаций не предпринималось. Когда в пике такой политике на международном заседании ПЕН-клуба, возглавляемого в 1933 г. Гербертом Уэллсом, была принята антигерманская резолюция, немецкая секция вышла из состава организации. Восьмого января 1934 г. в Германии был создан Союз национальных писателей, который в полном составе «подписал Клятву верности Адольфу Гитлеру» (с. 35). Спустя полгода, 9 июня, был сделан еще один шаг к унификации и контролю: три писательские организации времен Веймарской республики буквально растворились в учрежденном Рейхсминистерством народного просвещения и пропаганды, возглавляемым Геббельсом, Союзе писателей рейха, для вступления в который необходимо было «доказать принадлежность по рождению к германской крови и политически безупречное поведение» (с. 38). Организация была наделена правом «определять, можно ли то или иное произведение издавать в Германии или нет» (там же).

Символическим ритуалом, закрепившим новый курс на прощание с так называемой «еврейско-марксистской эрой» (с. 77), стала печально знаменитая акция сожжения книг, названная «Акцией против негерманского духа», прокатившаяся по всей стране. Она дала толчок к работе по созданию закрытых запретительных списков, отныне регулировавших ассортимент книготорговли и библиотечные фонды. Барбиан пишет:

Особенно сильно от запретов на распространение пострадали... издательства, публиковавшие произведения натурализма, экспрессионизма, дадаизма, нововещественности, современную мировую литературу и актуальную критику. Помимо произведений Брехта, Хазенклевера и Генриха Манна [издательству] *Propyläen Verlags GmbH* пришлось отказаться от бестселлера Ремарка «На западном фронте без перемен». <...> Для всех издательств запреты означали огромный экономический ущерб, а для некоторых — и угрозу существованию (с. 46).

Борьбой против «негерманского духа» отныне оправдывались не только языковые преобразования (избавление от иностранных слов, например от французского по происхождению *Literatur*, замененного на исконно немецкое *Schriftentum*, «пись-

менность», и т.п.), но и приобретение по бросовой цене, экспроприация и национализация ряда крупнейших частных издательств (показателен случай с *Ullstein* — см. с. 46–52). Что касается библиотек, то все региональные учреждения должны были теперь находиться в ведении рейхсминистерств, сотрудники подверглись «чистке», а отбор новых кадров полностью согласовывался с членством в НСДАП и политикой ариизации профессий.

Во второй главе подробно рассматривается реализация этой политики на всех уровнях интеллектуального производства. Несмотря на перипетии борьбы нескольких министерств, ведомств и департаментов, одновременно претендовавших на право контролировать образование, «письменность», прессу, радио, театр и другие сферы культуры, результат был очевиден: политическая унификация затронула все названные сферы, государство подчинило тотальному политическому и экономическому контролю работу издательств, типографий, книготорговых предприятий, библиотек, введя запрет на профессию для всех, кто хоть как-то не вписывался в законы рейха.

В третьей главе подробно рассматриваются государственные меры по установлению цензуры и контролю над ее исполнением. Под экономический и идеологический контроль госструктур была взята печать энциклопедий, учебников и даже календарей. Из рядов немецкой литературы и художественной критики были изгнаны Альфред Дёблин, Генрих, Клаус и Томас Манн, Бертольт Брехт, Курт Тухольски, Герварт Вальден, Вальтер Беньямин, Лион Фейхтвангер, Курт Пинтус, Теодор Адорно и многие другие.

Среди запрещенной политической литературы были тексты рабочего движения в Германии и ведущих представителей СДПГ, труды о русской революции и возникновении Советского Союза, а также сочинения КПП⁶... и все сочинения ряда пацифистов. Индексация юридической литературы особенно затронула еврейских правоведов. Нежелательными и вредными оказались также тексты Исповедующей церкви, труды по антропософии, психоанализу, женской эмансипации, прерыванию беременности, натуразму, а также просветительская литература на тему сексуальности и однополых отношений, эротика и бульварная литература. В разделе беллетристики была представлена почти вся литература модерна и авангарда — не только немецких, но и зарубежных авторов (с. 204).

С конца 1930-х гг. к реализации проекта защиты «германского духа» от «враждебного» и «разлагающего» влияния подключились структуры гестапо и СС, которые занимались «экспертизой» литературной продукции, изъятием запрещенной и «нежелательной» литературы и, соответственно, назначением виновных за подобные нарушения (с. 120–126). С началом войны книгопроизводство почти полностью перешло под контроль аппарата вермахта по письменности.

В четвертой главе монополизация печати представлена с точки зрения профессионалов, читателей, писателей, ставших участниками, свидетелями или непосредственными наблюдателями происходившего. Особую ценность представляют факты использования лазеек и лакун в законодательной базе рейха и противоречивых директивах разных ведомств, а также тихого сопротивления линии НСДАП. Так, научным библиотекам удалось сохранить огромный пласт литературы из запретительного списка:

Идею сохранить эти фонды в государственных, земельных и университетских библиотеках поддержали даже власти. Рейхсминистерство внутренних дел указало, что

6 Коммунистическая партия Германии.

§7 Чрезвычайного Указа рейхспрезидента «О защите немецкого народа» от 4 февраля 1933 г. — «предписание рекомендательного характера». От конфискации и изъятия печатного издания, содержание которого представляло угрозу нарушения общественной безопасности или порядка, можно было воздержаться, «если личность владельца гарантировала, что хранящаяся у него коммунистическая или марксистская литература будет использоваться только в разрешенных целях, а именно для научной работы». <...> В постановлении министерства культуры Баварии от 5 апреля 1933 г. говорилось, что запрещенная литература не должна изыматься из научных библиотек, «поскольку успешная научная борьба с большевистской, марксистской и пацифистской отравой предполагает знание соответствующей литературы» (с. 280).

Среди историй «подвластных» заслуживает интереса казус, связанный со спасением архивов Генриха Гейне. Доктор германистики Герман Ройтер собирал коллекцию изданий великого немецко-еврейского поэта еще во времена Веймарской республики. Благодаря пожертвованиям и частным фондам ему удалось сформировать богатейший архив рукописей, прижизненных и повторных изданий поэта, исследований о нем «почти в полном объеме», а также «прекрасную коллекцию рисунков, гравюр, офортов и литографий, посвященных иконографии Гейне и близких ему людей» (с. 373). Все это было «доступным для широкой публики в здании Земельной и городской библиотеки на Граббеплац в Дюссельдорфе и в Доме Гейне на Болькер-штрассе» (там же).

Ройтеру, не вступавшему в конфликт с властями, но и не числившемуся в НСДАП, повезло сохранить коллекцию и в годы диктатуры, не пряча ее в закрытые фонды. «Осенью 1943 г. Ройтер, наконец, совершил трюк: в 40 коробках он перевез всю коллекцию Гейне в замок Витгенштейн в 120 км от Дюссельдорфа и тем самым спас ее от уничтожения во время воздушных налетов» (с. 374). Подобные истории, безусловно, лишь с еще большей наглядностью свидетельствуют как о невозможности предотвратить индивидуальными усилиями агрессию нового варварства, действовавшего далеко за пределами юридического поля и самого понятия человечности, так и о хрупкости отдельных человеческих судеб в такой борьбе.

Барбиан посвящает свое фактографическое исследование писателям, «уничтоженным немецкими национал-социалистами», и открывает книгу списком имен, который мог бы быть продолжен. Завершает он послесловием, в котором звучит мысль об актуальности его исследования: она заключается, помимо академически строгого описания медиаэкономики и медиаполитики Третьего рейха, в уроке «политической и моральной ответственности за действия общества», долга каждого «вести медиакритический диалог со сложной реальностью жизни» (с. 406).